

Аннотация.

В статье формулируются методологические вопросы исторических исследований архитектуры и градостроительства советского периода в рамках новой парадигмы, называемой автором политической историей советской архитектуры и градостроительства. Ее предметом является характер зависимости деятельности архитекторов, превращенных в «государственных служащих» от власти, а также степень предопределенности жилищной и градостроительной политики внешними обстоятельствами, рассмотрение проектирования не как творчества, а как производства.

Ключевые слова.

Методология архитектуроведения, проектное творчество, история советской архитектуры и градостроительства.

Abstract.

Methodological issues of historical research on architecture and town planning of the Soviet period are represented in the article within a new paradigm, which is called by the author 'a political history of Soviet architecture and town planning'. Its subject is how architects that became 'government officials' were made dependent on the power, how housing and town-planning policy was predetermined by external circumstances and how designing was considered as production but not as creation.

Keywords.

Methodology of architectural studies; design creating; history of Soviet architecture and town planning.

О методологии и идеологии исторических исследований советской архитектуры и градостроительства / About Methodology and Ideology of Historical Research on Soviet Architecture and Town Planning

Исследователи истории архитектуры, жившие в советское время на территории социалистического лагеря, помнят ту жесткую цензуру, которая не допускала никаких критических высказываний о влиянии власти на архитектуру и градостроительство. Описывать это влияние можно было исключительно в позитивных, восторженных, благодарственных тонах.

Советским исследователям разрешалось анализировать преимущественно внешний облик зданий (пропорции, детали, декор, пластику, стиль...) или художественные аспекты композиции генеральных планов поселений (живописность «закованной в гранит» береговой линии, обилие парков и скверов, «стремительные перспективы проспектов»...). Однако социальное содержание, идеологические причины, экономические обстоятельства, иные мотивы возникновения именно таких (а не иных) проектов изучать было непозволительно. Потому что любое углубленное исследование объектов архитектуры или генпланов немедленно выводило «наверх» – к решениям, принимаемым органами власти различных уровней, прямым приказам которых (или нормативам и методическим предписаниям, издававшимся ими, подчас в целом предопределявшим архитектурные и градостроительные решения) обязаны были в обязательном порядке следовать все проектировщики.

В роли «регуляторов» проектирования выступали:

- а) задаваемые свыше лимиты стоимости 1 кв. метра жилой площади,
- б) запреты использования тех или

- в) прямые указания применять только строчную застройку (или, наоборот, не применять ее),
- г) зафиксированные в программах-заданиях на проектирование требования иерархически структурировать застройку на жилые комбинаты, кварталы, районы;
- д) требования обеспечивать конкретный баланс распределения земли под определенные функции,
- г) обязательные показатели плотности заселения, размеров кварталов,
- д) предписываемая этажность застройки и т.п.

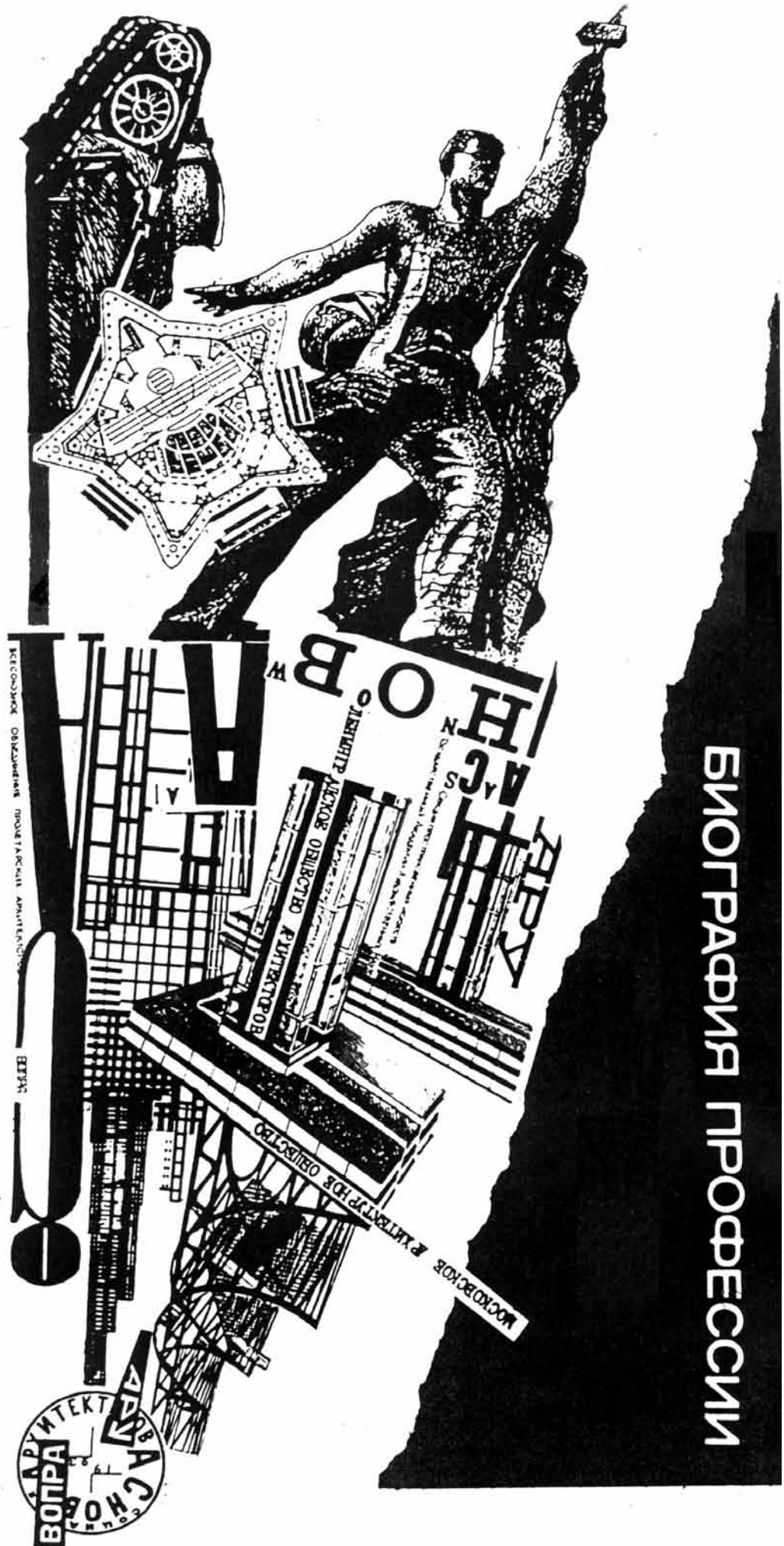
Эти указания рождались вне сферы архитектуры и градостроительства и предопределялись прежде всего ресурсами распределительной системы, военными планами, количеством денег, выделявшихся государством на жилищное строительство, технической оснащенностью отрасли гражданского строительства (которую никто особенно и не стремился развивать)... Именно эти – внешние факторы – и были определяющими для «содержания» градостроительства и архитектуры... Однако сама эта внешняя регламентация архитектурной и планировочной деятельности исследовательского интереса не вызвала, считалась чем-то посторонним, лежащим явно вне пределов предмета профессиональной культуры и мастерства

Безусловно, в Советском Союзе, как и на Западе, в строительстве участвовали многие действующие лица: заказчики, финансовые структуры, строители, поставщики материалов и строительной техники... Но в СССР

роль архитекторов в этом процессе была совершенно иной, чем на Западе. В капиталистическом обществе власть являлась и является таким же равноправным заказчиком, как и все остальные «субъекты», которых, замечу, помимо нее немало – частные лица, корпорации, фирмы, общественные организации, различные добровольные сообщества.

В СССР после запрета НЭП заказчик остался лишь один – государство, одновременно выступавшее также в роли единственного инвестора. Городское строительство и жилищная политика целиком и полностью находились в его руках. Никаких других – независимых от государства «заказчиков» и «финансистов», способных создавать нечто, не зависящее от государственно-ведомственных предписаний, в СССР не существовало. Все строительные программы начинались по распоряжению партийно-государственных органов и заканчивались по их же приказам. Советские архитекторы материализовали одну лишь волю – государственную, какое бы ведомство ее не озвучивало. Влияние власти на проектные решения всех уровней было в СССР всеобъемлющим.

Особенно в годы первых пятилеток. Причем, если мы заглянем поглубже – в причины этой жесткой регламентации планировочных решений и этой экономии на жилищном строительстве, то увидим, что все средства, все стройматериалы, все силы направлялись на строительство военных заводов. На то строительство, которое, собственно, и называлось индустриализацией. Конечно, можно, несмотря

на все эти очевидные исторические свидетельства и факты, продолжать сомневаться в том, что градостроительство в СССР было прямым следствием программы формирования военно-промышленного комплекса, ее голой функцией. Но сегодня это — уже не гипотеза, а доказанный постулат. Хотя именно с этой точки зрения советской градостроительство до сих пор абсолютно не изучено и не охарактеризовано.

В СССР зависимость официальной архитектурной и градостроительной деятельности от власти была тотальной, особенно после того как в 1930 году советская власть законодательно полностью запретила любую частную проектную практику. Всесторонняя регламентация заставляла архитекторов «изготавливать» лишь то, что от них требовалось. Никто не способен был выйти за границы предписаний свыше, преодолеть рамки допустимых пределов деятельности, которые накладывал советский строй. Ничто не могло быть реализовано, если советская система это запрещала.

Какое бы профессиональное мировоззрение не нес советский архитектор, в тот момент, когда оно входило в противоречие с официальной государственной политикой, он вынужден был безоговорочно отказываться либо от него, либо от профессиональной деятельности вообще. Только глобальным влиянием власти на архитектурную деятельность можно объяснить массовый публичный отказ архитекторов от своих профессиональных взглядов, когда вчерашние конструктивисты за одну

БИОГРАФИЯ ПРОФЕССИИ

ночь превращались в убежденных сторонников бессмысленного «освоение классического наследия»...

Советская историография внешне влияние власти на архитекторов всегда выносила за скобки рассмотрения, расценивала его как «недостойное» для включения в «профессиональный предмет изучения». Она под давлением официальной цензуры и идеологии сформировала очень специфическую, но при этом обязательную для всех исследователей позицию в изучении советской архитектуры и градостроительства. Эта позиция отличалась следующими исходными постулатами:

- а) роль власти – исключительно положительная (любая критика невозможна);
- б) социальные проблемы сведены к одному – «временной нехватке... по объективным причинам»;
- в) архитектурная деятельность – это

свободное творчество (несмотря на то что превращение архитектора в государственного служащего коренным образом изменяло как тип его профессионального самоопределения, так и смыслы его профессиональной деятельности);

г) внешняя регламентация содержания проектирования (стоимости 1 кв. метра жилья; количества кв. метров в квартире; типологии жилища и объектов обслуживания; используемых строительных материалов; технологии строительного производства и т.п.) – это нормальное явление, но изучать его не нужно, потому что оно не относится к «сущности» архитектурного творчества и поэтому не интересно;

д) благосостояние населения постоянно росло, доказательство тому – появление все новых рабочих поселений, стремительное строительство нового жилья...

Подобное самоопределение ученого не оставляло ему ничего иного как изучать преимущественно внешний облик зданий (пропорции, детали, декор, пластику, стиль...) или художественные аспекты композиции генеральных планов поселений, то есть описывать архитектурные и планировочные объекты со стороны их художественно-образной стороны. При этом социальное содержание, идеологические причины, экономические обстоятельства, прочие мотивы возникновения конкретных проектов, оставались за рамками изучения.

СССР перестал существовать почти четверть века назад. Но советское архитектуроведение, увы, продолжает существовать и поныне. А вместе с ним продолжают существовать и прежняя методология погружения в исторический материал, и прежнее знание, извлеченное и оформленное с ее помощью, – новых исследовательских проблем не сформулировано, новых предметов изучения не создано, новой методологии не выработано.

Смена научных парадигм в отечественном архитектуроведении и градостроительной науке назрела давно. Она настойчиво требует приближения исследовательской методологии к реальности, настройки «аналитической оптики» на реальный, а не мифический предмет, освобождения архитектуроведения из плена выдумок о советской архитектуре как о продукте свободного, отчасти утопического, но в целом – прекрасного творчества...

Однако, поставив перед собой подобную задачу, ученый с неизбежностью сталкивается с вопросами о том, какой должна быть новая методология архитектурно-исторических исследований, каким образом учесть наличие так называемого тройного сознания, проявляющегося в том, что люди говорили одно, думали другое, а делали третье. В статьях и книгах писалось одно – красивые слова о будущем, о гармонии в архитектуре, об «интернациональной пролетарской архитектурной форме», идеологические призывы к социализму. Проектировалось при этом совсем другое – то, что соответствовало программам проектирования, инструкциям, нормативам, указаниям заказчика. А строилось – третье, очень мало похожее на проекты и совсем не соответствовавшее словам. Каким должен быть метод исследования, позволяющий изучать и сопоставлять три слоя профессиональной действительности: а) слова – пропагандистских, теоретических, концептуальных текстов; б) мысли – взгляды архитекторов на природу профессиональной деятельности в советских условиях, их мировоззрение, отношение к окру-

жающей профессиональной действительности; в) действия – в рамках тех ограничений, которые накладывал на мышление и деятельность советского архитектора существовавший строй – содержание проектов в сравнении с их реализацией. Что должно являться в таком рассмотрении предметом изучения?

В СССР свободы в выборе методологии и идеологии архитектуроведческих исследований не было. Зарубежные ученые, изучавшие советскую действительность, были, безусловно, более независимы в выборе методологии. Однако они не владели исчерпывающим фактическим материалом, потому что могли пользоваться лишь теми сведениями, которые были допущены советской цензурой в открытую печать. Или теми фотографиями зданий и городов, которым дозволено было быть опубликованными. Лишь единицы имели возможность систематически и долго работать в советских архивах. В результате этого исторические знания о советской архитектуре и градостроительстве, о движущих механизмах, об устройстве государственной системы проектного дела, постулатах концепции соцрасселения, формальных и неформальных правилах и принципах проектирования и т.п. в массе своей были ошибочными. Они либо невольны, либо принужденно, но неизменно оказывались ложными.

Изучая сегодня советскую архитектуру и градостроительство как сталинского, так и последующих периодов, следует в первую очередь ответить на вопрос о том, к чему стремилась власть. Именно потому, что она являлась единственной силой осуществления любых строительных программ. Только она выделяла землю под строительство, только она давала деньги, только она предоставляла строительные материалы. Только она способна была направить рабочую силу, предоставлять технику, производить оборудование... В СССР ничего не могло быть построено без согласия власти, кроме незаконного самостроя, вроде нахаловок, землянок и хибар на окраинах городов. Но профессиональные архитекторы к подобному «строительству» отношения не имели. Какова роль советской власти в архитектурной и планировочной деятельности? Действительно ли советская власть стремилась проектировать и строить комфортные, благоустроенные, красивые города или нуждалась лишь в формировании возле военно-промышленных заводов трудовых лагерей для обеспечения венного производства принудительной рабочей силой, состоявших на 90 % из бараков, на 7% – из десятка домов для завод-

ских технических специалистов и на 3% – из элитной группы коттеджей для заводского и энкавэдэшного начальства и партийных лидеров местного масштаба.

Следует специально изучать влияние на принимавшиеся планировочные решения того факта, что в СССР все архитекторы без исключения были превращены в служащих государственных проектных институтов, то есть в специалистов совершенно иного рода, нежели архитектор, как представитель свободной профессии, осуществляющий независимую предпринимательскую деятельность. Изучение сталинской архитектуры и градостроительства должно начинаться с ответа на вопрос: что такое архитектор, как чиновник, занимающий определенное должностное место и исполняющий конкретную функцию в жестко иерархизированной системе управления тоталитарным государством? Именно этот феномен необходимо изучать в первую очередь, а не фасады домов или композиции генеральных планов поселений. И только после ответа на данный ключевой вопрос, станет немного понятно, почему фасады и планировки были такими, а не иными.

Под каким углом анализировать советскую архитектуру и градостроительство: как результат «творчества», идущего изнутри архитектора, от его внутренней убежденности, от его сознания, из глубин его мировоззрения, или как продукт «точно-конвейерного производства проектно-сметной документации» – производства, в котором архитектор подобен рабочему на сборочном конвейере, собирающему изделие из готовых деталей, выданных ему со склада? Какова была реальная роль архитектора в советском обществе – как «создателя прекрасного будущего» (так представляла его официальная пропаганда) или как оформителя решений, уже принятых в недоступных для него эшелонах власти? Ответ на этот вопрос позволяет четко осознать величину зоны свободы в принятии каких-либо самостоятельных решений. Свободы «творчества», которую предопределяет само устройство проектного конвейера. Свободы «исполнения заданий», которую оставляют такому «архитектору-сборщику» имеющиеся в его распоряжении планировочные заготовки, получаемые им уже в готовом виде через нормативы, инструкции, программы проектирования, писанные и неписанные «концептуальные» заповеди – формальные и неформальные правила «свинчивания» этих заготовок в целое.

Это очень непростые вопросы. Однако без ответа на них, без выра-

ботки особой методологии изучения советского прошлого извлечь правду об истории архитектуры и градостроительства в СССР невозможно. Не нужно с презрением отворачиваться от совершенно не характерного для западной историографии рассмотрения архитектуры через призму устройства политической системы. Следует сознательно идти на формирование такого предмета изучения. Потому что в СССР архитектурное формирование, как это ни парадоксально, было следствием совершенно неархитектурных решений ЦК ВКП (б), СНК и ВЦИК, Совета труда и обороны, Госплана, Наркомата труда, Наркомвоенмора, ВСНХ, ЭКОСО, НКВД...

Пришло время начать писать политическую историю советского градостроительства.

Марк Меерович